

С. С. ПАШИН

Тюменский университет

ЗЕМЯНЕ ИЗ САНОЦКОГО СЕЛА ДОБРА В XV ВЕКЕ

Автору этих строк уже приходилось писать о том, что позднесредневековая Польша не знала декларируемой законодательством и правовой теорией резкой грани между шляхетством и другими сословиями, а сословная структура польского общества XV-XVI вв. не ограничивалась шляхтичами, мещанами и кметами: достаточно вспомнить о солтысах, князьях (крайниках) в селах на волошском праве, рабах, малопольских влодыках, многочисленных червонорусских служках¹. В настоящей статье речь пойдет о землянах (*terrigeneae*) — социальной группе, которая известна самым разным польским источникам XV в. — актам договорно-законодательного вида, делопроизводственной документации, публично-правовым и частным актам, «Истории» Яна Длугоша, но мало интересовала полонистов. Статус представителей этой группы в самом общем виде можно выразить формулой: каждый шляхтич является землянином, но не каждый землянин — шляхтичем. На протяжении XV-XVI вв. шел процесс размытия землянства с последующим включением землян в одно из трех главных сословий. Механизм подобной межсословной диффузии хорошо прослеживается по документам, связанным с историей саноцкого села Добра.

В историографии рубежа XIX-XX вв. судьбы добрянских землян рассматривались (притом весьма поверхностно) в качестве образчика жизненного пути неполноправной шляхты русского (украинского) происхождения². Гораздо больше внимания уделил добрянам автор единственной монографии о червонорусских королевских слугах В. Гейнош. Польский историк выявил все варианты интитуляции добрян, установил различные виды выполняемых ими замковых служб и пределы юрисдикции саноцких старост, однако, как и в других разделах своей книги, пренебрег возможностями генеалогии³. В добрянах и прочих червонорусских слугах XV в. В. Гейнош видел реликты древнерусского общественно-политического строя, называя его (ссылаясь на И. А. Линниченко) строем «княжеско-городовым», «предсословным», отличным от польской сословной государственности⁴. В основе служебных отношений лежала «служебная», или «служебно-приписная», зависимость, выражавшаяся в выполнении слугами определенных повинностей и запрещении самовольных переходов. Кто попадал в эту зависимость в древнерусские времена, В. Гейнош не пояснял, хотя и настаивал на отсутствии какой бы то ни было связи с рабством⁵.

Сергей Станиславович Пашин, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, медиевист, специалист по истории позднесредневековой Польши, автор монографий по польской дипломатике и генеалогии.

¹ Пашин С.С. Каланые и ордынцы в Червонной Руси XV в. (к вопросу о происхождении королевских слуг) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. Ист. 1986. Вып. 2. С. 90; Он же. Шляхетство позднесредневековой Польши: сословные критерии и пути нобилитации (на примере перемьшльских конюхов XV-XVI вв.) // Европа на этапе от классического средневековья к Новому времени. Тюмень, 1991. С. 40.

² Линниченко И. А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV-XV в. М., 1894. С. 68-69; Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 5. С. 91-93. См. также: Boniecki A. Herbarz polski. Warszawa, 1901. Т. 4. S. 336.

³ Hejnosz W. Ius Ruthenicae. Przejtyki dawnego ustroju społecznego na Rusi Halickiej w XV wieku. We Lwowie, 1928. S. 15-37.

⁴ Ibid. S. 20.

⁵ Ibid. S. 104-106.

Занимавшая верховья реки Сан в северных предгорьях Карпат Саноцкая земля⁶, кажется, во всем отличалась от прочих земель Русского воеводства. Территория Перемышльской, Галицкой и Львовской земель в XII-XIII вв. была ядром Галицкого княжения, Саноччина же долгое время оставалась редконаселенным районом, глубоко вклинившимся в польско-венгерское пограничье. Город Санок всего два-три раза упоминается в русских летописях. Интенсивное заселение земли началось во второй половине XIV в., т. е. уже после захвата Червоной Руси поляками. Неудивительно, что из двух сотен поселений XV в. менее 20 сел вело свою историю со времен независимости Галицко-Волынского княжества⁷.

Интересующая нас Добра возникла гораздо позже. О главных вехах в жизни ее обитателей сообщает люстрация Саноцкой земли 1565 г. Село было основано на большом поле, пожалованном в 1402 г. королем Владиславом-Ягайло «неким слугам» с условием несения различных служб тремя всадниками при саноцком замке и участия в военных походах. Если верить люстрации, службы сводились к сопровождению старосты или подстаросты в поездках на венгерскую границу, доставке грамот, собиранию баранов и свиней в селах на волошском праве. Со временем добряне стали выполнять только воинскую повинность, откупившись от замковых служб 10-гривенным ежегодным чиншем, который они вносили вплоть до 1565 г. Недавний Петровский сейм освободил их от уплаты чинша, поскольку добряне ходили на войну в составе посполитого рушения «каждый со своего хозяйства обычаем земян и шляхтичей польских»⁸. Таков финал вековой борьбы добрянских слуг с саноцкими старостами. История этой борьбы — пример того, какую массу энергии и упорства затрачивали представители непривилегированных слоев польского общества, стремясь проникнуть в ряды шляхетского сословия.

Сначала, видимо, следует обратиться к более детальному выяснению обстоятельств возникновения нового села. Сохранившаяся в копии XVII в. грамота 1402 г. предоставляет такую возможность. Согласно ей, Владислав-Ягайло, «оценив усердные верные службы», которые «Юрий, Зань и Дмитр, двоюродные братья, слуги наши из Улича, со своими братьями нашему Величеству многократно выказали», пожаловал им поле Доброе (на правом берегу Сана, в 10 км от Санока), обязав посылать в военные походы трех лучников и служить саноцкому замку тремя всадниками⁹. Основное содержание ягайлова пожалования, таким образом, получило отражение в люстрации 1565 г. Однако некоторые существенные детали выпали из поля зрения люстраторов. Происхождение первых жителей Добры установить не трудно. Они оказались выходцами из соседнего села Улич, а уличане, как «люди сотные»¹⁰, с древнерусских времен служили саноцкому замку, не имели права разорвать служебные отношения и перебраться в другое село, т. е. были не просто зависимыми крестьянами, а крепостными. Мы полагаем, что слуги из Улича и некоторых других саноцких сел, подобно львовским и галицким каланым-ордынцам, являлись потомками посаженных на землю княжеских пленников¹¹. В период раннего средневековья такой вариант становления служебной организации получил

⁶ Ныне — крайний юго-восток Польши, восточная часть Кросненского и южная — Пшемысльского воеводств.

⁷ Fastnacht A. Osadnictwo ziemi sanockiej w latach 1340-1650. Wrocław, 1962. S. 185-187, 270-271.

⁸ Жерела до історії України-Руси. Львів, 1897. Т. 2. С. 288-289.

⁹ Akta grodzkie i ziemskie (далее — AGZ). We Lwowie, 1878. Т. 7. S. 44-45. № 22.

¹⁰ Ibid. We Lwowie, 1886. Т. 11. S. 259, 300. № 2066, 2403.

¹¹ Подробнее см.: Пашин С.С. Каланые и ордынцы... С. 90-93.

распространение как на Руси, так и в государствах Средней Европы (Польша, Чехия, Венгрия)¹²: не случайно первые группы крепостных в Польше конца XII в. были лицами невольного происхождения¹³.

Генетические связи уличских «людей сотных» с невольниками прослеживаются на протяжении всего XV столетия. Дело даже не в обязанности исполнения определенных служб – известны случаи, когда отдельные уличане за соответствующее вознаграждение переключивали свои повинности на чужие плечи. Важнее другое: избавившись таким способом от службы, ни сам сотный, ни его дети не могли изменить свой юридический статус и покинуть прежнее место жительства¹⁴. Понятно, почему в ягайловой грамоте 1402 г. дважды упоминаются будущие «вольные» наследники братьев: королевское пожалование было знаком особой милости, да и к службам предполагалось привлекать только трех человек. В судебной практике Саноцкой земли не использовался термин «невольные», хотя положение людей сотных было аналогично правовому статусу «невольных» каланых-ордынцев. Ягайло же и в 30-е годы XV в. дарил львовскому архиепископу села вместе с проживавшими в них «невольными слугами»¹⁵, так что он вполне осознавал разницу между вольными и невольными. В середине XVI в. уличские служки выполняли тяжелые работы при солеварне¹⁶. Родство с ними, пусть даже самое отдаленное, не могло вызвать у добрян особой гордости, и они предпочли считать своими предками «неких слуг».

В XVI в. близкий по форме к традиционным пожалованиям шляхте привилей 1402 г., по-видимому, сыграл свою роль в продвижении добрян по ступенькам сословной иерархии. Что касается XV столетия, то мы бы не рискнули давать однозначные оценки. Во-первых, пожалованные братья характеризовались как «servitores», а в польских латиноязычных актах «слугами» могли называться только адресаты нешляхетского происхождения. Во-вторых, братья не получили обычного для пожалований шляхтичам права свободно продавать, обменивать, закладывать или дарить свои владения. В-третьих, и это самое главное, грамота требовала от братьев и их потомков не только «ad expeditionem nostram quamlibet... servire» — подобное условие содержит любой червонорусский ягайлов привилей, но и «ad castrum vero nostrum Sanocense in eisdem tribus equis servire». Не случайно саноцкие старосты при конфликтах с добрянами настойчиво требовали представить в суд их «lit(t)eras», а добряне с завидным постоянством игнорировали эти требования. Впрочем, судьба жителей Добры зависела не столько от содержания жалованной грамоты, сколько от уровня взаимопонимания между ними и саноцкими старостами.

В саноцких судебных (актовых) книгах XV в. с Доброй и добрянами в той или иной степени связана 131 записка. Разумеется, речь идет о протоколах возглавляемого старостой гродского (а не земского) суда, поскольку добряне не успели стать полноправными шляхтичами. 12 записок приходится на 1424-1433 гг. (период до распространения на Червоную Русь норм польского пра-

¹² Ср.: Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 124-131.

¹³ Korta W. Problem niewolnictwa w Polsce wczesniowiecznej // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. Warszawa, 1982. Т. 2. S. 109.

¹⁴ AGZ. Т. 11. S. 300. № 2403.

¹⁵ Ibid. We Lwowie, 1870. Т. 2. S. 101. № 58.

¹⁶ Жерела... Т. 2. С. 31.

ва), 13 — на 1435-1439 гг., 69 (более половины) — на 40-е, 16 — на 50-е, 12 — на 60-е, 8 — на 70-е годы. Последняя записка с упоминанием добрян датируется 1483 годом.

Население Добры росло довольно быстрыми темпами. Запискам 1424-1430 гг. известны Александр, Данило, «сын Маша» Ходор, двое Иванов, Кузьма, Левко, Сень, Дмитр, Стень¹⁷. Умерший до 1430 г. Маш, по-видимому, был одним из упомянутых в грамоте 1402 г. безымянных братьев. Сень упоминается и в записке от 9 сентября 1433 г.: он (вместе с сыновьями — Осипом и местным попом Пашко) избил односельчанина Василя и в качестве штрафа должен был уступить потерпевшему части земельных участков — своего и племянника Андрея. В июне 1438 г. Василь судился только с «Badko», Осипом и Андреем, а также с упомянутым последний раз Левко: к тому времени Сень, кажется, уже не было в живых. Одна из июньских записок сообщала о братьях Василя: родном — Клише и двоюродном — уже известном нам Ходоре¹⁸.

Клиш положил начало судебной тяжбе, в которую оказалось втянутым практически все население Добры. Речь идет о весьма драматичном деле Ивана Юхно. Трудно сказать, что явилось поводом к тяжбе между Юхно и Клишем в феврале 1442 г., зато достоверно известно, что добрый десяток добрян выразил готовность выступить свидетелями последнего¹⁹. В мае-июле 1445 г. по требованию Юхна в гродский суд безуспешно вызывались уже 16 добрян — Осип, Пашко-поп, Ходор; Клиш, Василь и Степан Кебловичи; Маш, сын Трухана Иван, Семен Орачко, Пех, Андрей, Иван Коваль, Манько, Луц, Филь и даже Семен Зиневич (кузен Юхна). Укрывавшийся в соседнем Уличе Юхно обвинял девятерых добрян (в т. ч. Клиша) в нанесении ему побоев («pro suis vulneribus»). Если верить записке от 11 декабря 1445 г., он свою «omnem hereditariam porcionem» в Добре стоимостью 22 гривны сдал в аренду Ганю Сметанке из Лодзины. В июне 1446 г. Юхно не пришел на судебное заседание, на котором должен был выступить в качестве истца: ранее он обвинял сына Трухана Ивана в краже стога сена стоимостью 2 копы (2,5 гривны). Явившийся в суд ответчик выиграл тяжбу²⁰.

Для Юхна развязка наступила в том же 1446 г.: согласно записке от 20 декабря, его сестра Калина, вдова кмета из села Захутынь, уже в четвертый раз вызывала в суд Ганя Сметанку, требуя от него уплаты 24 гривен (стоимость земельного участка плюс плата за аренду). В апреле 1447 г. Семен Зиневич обвинил Ганя в убийстве своего кузена. Поручитель ответчика — Леня Маневич из Тыравы (Сольной) — в свою очередь, заявил, что Юхна убили сами добряне: все вместе («in solidum alias od kolku do kolu»), за исключением попа (Пашка) и Трухана. Они якобы поклялись сначала в лесу на кресте, а затем — в церкви, что убьют Юхна. Штраф в 12 злотых, наложенный на Леня с подачи Семена Зиневича, свидетельствует о невинности добрян²¹.

Впрочем, злоклучения самого Семена на этом на закончились. В июле-августе 1447 г. ему пришлось судиться с Гланом из Глумчи — кузеном убитого Юхна по материнской линии. Истец претендовал на имущество бездетного Юхна на том основании, что Зиневич якобы был незаконнорожденным, однако проиграл тяжбу, поскольку Семен сумел «очиститься» от бесчестья. Летом 1455 г. с Семеном столь же безуспешно судился другой кузен Юхна по линии

¹⁷ AGZ. T. 11. S. 3, 37, 42, 61. № 21, 271, 308, 436.

¹⁸ Ibid. S. 79, 143. № 569, 1110-1118.

¹⁹ Ibid. S. 199-203. № 1533-1534, 1561, 1563, 1571-1572.

²⁰ Ibid. S. 257, 259, 262, 279. № 2059, 2059a-2059f, 2062-2063, 2067, 2088, 2090, 2217.

²¹ Ibid. S. 290, 302, 304, 306. № 2312, 2417-2418, 2426, 2444-2445, 2448.

матери — Радь из Глумчи (кажется, брат Глана). Финальным аккордом драмы можно считать продажу в июле 1467 г. племянниками Юхна за 7 гривен земельного участка в Добре Семену: в 40-е годы ему, скорее всего, пришлось поделиться наследством с детьми Калины²².

Юхно погиб в разгар противоборства добрян с саноцким старостой Альбертом Миховским. Анализ этого конфликта требует нескольких замечаний предварительного характера. До 1443 г. персоналии добрян упоминаются в судебных записках без каких-либо уточнений. Мы связываем это не столько с неопределенностью статуса добрянских слуг, сколько с особенностями местной канцелярской традиции (или отсутствием таковой): в саноцких записках 20-30-х годов XV в. даже 100-процентные шляхтичи частенько выступают без интитуляции «nobili(s)». Одно неопровержимое свидетельство все же имеется в нашем распоряжении: в июне 1431 г. саноцкий староста Миколай Хранстовский по королевскому поручению разбирал тяжбу между Юшем, «servilem» из Улича, с одной стороны, и «terrigenas de villa Dobra», с другой. Юш и безымянные добряне судились из-за луга Гошнова между двумя селами. Владельческие права Юша подтверждались грамотой 1410 г. тогдашнего саноцкого старосты Сцибора Оглендовского. Что касается добрян, то «prefati vero terrigene cogam nobis privilegium Regale produxerunt». Предъявленный ими королевский привилей явно оказался грамотой 1402 г. О спорном луге там не говорилось ни слова, поэтому Юш выиграл тяжбу, а «predictis terrigenis de Dobra» было предписано хранить молчание²³.

С 1443 г. добряне — персонально или вместе — обычно характеризуются как земляне, иногда — как «h(a)eredes» (1443, 1445 гг.), «domini» (1443 г.) или, как и прежде, без интитуляции. Мы бы не стали усматривать какой-то глубинный смысл в такого рода разночтениях: добрянские земляне были «дедичами» — наследственными владельцами своих земельных участков и «панамии» — людьми, пользующимися большим уважением, чем обычные кметы. Наш опыт работы с червонорусскими источниками XIV-XV вв. подсказывает, что дедичи и паны совсем не обязательно должны быть нобилями.

В марте 1446 г. саноцким старостой становится Альберт Миховский, и с августа на «servitores de Dobra», или «servitores sive terrigenas», и даже «servos de Dobra» посыпались обвинения в том, что они не желают служить замку тремя всадниками и участвовать в военных походах. Второй раунд противостояния пришелся на январь 1450 г. На сей раз пану Альберту противостояли «homines de Dobra»²⁴.

Подобная терминология заставляет вспомнить о перемышльских конюхах, которые в источниках второй половины XV в. зовутся «regales (sub-)agazones», «homines», «servi», но не «terrigenae». Самым привилегированным конюшим селом была Негребка. Несколько негребецких конюхов в 60-90-е годы XV в. пытались проникнуть в ряды шляхетства, однако их усилия в конечном счете потерпели неудачу. Согласно описи Перемышльского староства 1497 г., в Негребке проживали только «servi». Все 10 слуг сидели на целых дворищах. Каждый давал колоду овса и состоящее из двух кур «праздничное». Они не отбывали барщину, но служили, «когда и где прикажет им староста или его урядник». Служебный характер села сохранился и в середине XVI в. Как сообщала люстрация 1565 г., сидевшие на полуланах пашни 11 кметов из Негребки находились «на вечной замковой службе» и ездили с грамотами на своих конях, «куда прикажут». Трое негребецких слуг сумели достичь более

²² Ibid. S. 308-309, 407. № 2472, 2474, 3269; We Lwowie, 1894. T. 16. S. 46. № 395.

²³ Ibid. T. 11. S. 67-68. № 481.

²⁴ Ibid. S. 282-284, 356-357. № 2259-2261, 2268, 2271, 2846, 2849-2852.

высокого положения. Люстрация называет их землянами, которые «издавна служат Перемышльскому замку». Эти земляне имели 5 кметов, вносящих за своих хозяев традиционные овсяную дань и «праздничное»²⁵.

Зависимые от добрянских землян кметы известны с 30-х годов XV в., однако сами земляне по уровню материального благосостояния в массе своей едва ли превосходили негребецких конюхов: согласно налоговому реестру 1515 г., в Добре было всего 8 ланов земли²⁶. Иное дело – общественный статус добрян. Позиции, завоеванные наиболее удачливыми негребчанами только в XVI в., добрянами воспринимались как само собой разумеющееся едва ли не с момента основания села.

В ходе противостояния 1446-1450 гг. Альберт Миховский вызывал на судебные заседания не всех добрян, а нескольких жителей. Чаще всего его внимания удостоивались Трухан, Осип и Иван Бриш. На одном из заседаний эти трое заявили, что они уполномочены действовать от имени «всех своих братьев». На наш взгляд, Трухан, Осип и Бриш являлись главами трех добрянских кланов, сцементированных не только (может быть, не столько) кровными узами – в конце концов, все добряне-земляне середины XV в. доводились друг другу троюродными (максимум, четвероюродными) братьями, дядьями или племянниками, – но и обязанностью жителей Добры нести замковую службу тремя всадниками.

Неформальный лидер нашей троицы Трухан известен с июля 1439 г. В 1453-1454 гг. он судился с Малом и Филиппом, «внуками Юрия». Истцы претендовали на свое дедичство, опекуном которого после смерти их деда и матери Феде был Трухан. Тот, в свою очередь, утверждал, что владеет спорной недвижимостью в течение 30 лет и не собирается делиться с кем бы то ни было. Тяжба закончилась тем, что Мал и Филипп уступили Трухану 1 лан в границах трети Добры в обмен на освобождение от всех замковых служб и право на раскорчевку лесов в пределах этой трети. Последний раз братья упоминаются в декабре 1460 г. как свидетели сделки по купле-продаже земли. Записка назвала их сыновьями Игната из Добры. В саноцких судебных книгах добрянин по имени Игнат (Ignath Swierthola de Dobra) упоминается лишь однажды – в апреле 1443 г. Скорее всего, он был шурином (а не братом) Трухана – единственного сына Юрия, одного из основателей Добры²⁷.

Трухан умер в период между 1456 и 1467 гг. Его единственный сын и наследник, известный с 1442 г. Иван, в декабре 1467 г. продал свою треть Добры с 8 «bene possessionatis» кметами саноцкому мещанину Яну Кочану, за спиной которого скрывался староста Миколай Пенансек. 8 крепких кметских хозяйств были оценены в 50 гривен, да и эту скромную сумму покупатель выплачивал в течение почти двух лет. По-видимому, он брал на себя и обязательство нести замковую службу²⁸. В апреле 1468 г. Иван за 20 гривен приобрел земельный участок в Добре. Его сын Маш перебрался в Малову Волю, избрав судьбу зажиточного кмета. В октябре 1474 г., спустя один-два месяца после смерти Ивана, «providi» Маш и вдова Ивана Настя продали недавнюю куплю двум добрянам и окончательно распрощались с Доброй²⁹.

Второй участник противостояния 1446-1450 гг., сын Сеня Осип, заметно уступал Трухану по уровню достатка. Впрочем, по крайней мере один кмет в

²⁵ Пашин С. С. Перемышльская шляхта второй половины XIV-начала XVI века: Историко-генеалогическое исследование. Тюмень, 2001. С. 89-93.

²⁶ AGZ. T. 11. S. 79. № 566; Zrydła dziejowe. Warszawa, 1902. T. 18. Cz. 1. S. 146.

²⁷ AGZ. T. 11. S. 220, 395, 397, 400-401, 455. № 1720, 3186-3187, 3196, 3222-3223, 3232, 3581.

²⁸ Ibid. S. 415. № 3321; T. 16. S. 49, 62, 69. № 422-423, 561, 618.

²⁹ Ibid. T. 16. S. 58, 113-114. № 518, 1013, 1016-1018.

его владениях все же проживал. В сентябре 1443 г. урядник старосты Ян Омелто обвинил Осипа в том, что ответчик, отпуская своего кмета на новое место жительства, отобрал у него 19 мер пшеницы. Осип отверг подобные обвинения. По его словам, Омелто насильно вывез кмета из Добры с помощью своих людей. Последнее упоминание об Осипе датируется январем 1450 г., о его родном брате попе Пашко — апрелем 1447 г., а о кузене Андрее — октябрём 1451 г. Все трое, скорее всего, умерли бездетными³⁰.

Личность третьего лидера противостояния со старостой не может не вызвать ряд вопросов. Начнем с того, что на страницах судебных книг «Иван Бриш» появляется только в 1450 г. Записки 1446 г. говорят об Иване Юхно, Иване Ковале, Иване Машевиче или (в связке с Труханом и Осипом) просто Иване. Первые двое Иванов настолько «сжились» со своим прозвищем или вторым именем, что записки 40-х годов не раз говорят об Юхно, Ковале или брате Коваля (Василе). Иван Машевич упоминается только в записке от 6 августа 1446 г.³¹ Скорее всего, это и есть будущий Иван Бриш — близкий родственник Ходора.

Упомянутый последний раз в июне 1450 г. Ходор трижды (в 1430, 1443 и 1445 гг.) назывался сыном Маша. Он принадлежал к клану Келбовичей (Пескаревичей). Название мелкой рыбешки, по-видимому, как нельзя лучше подходило для характеристики их положения среди добрянских землян. В состав клана входили кузены Ходора Клиш (1438-1445) и Василь (1438-1469), а также Степан (1442-1474)³².

Лаконичность судебных протоколов не позволяет говорить что-либо определенное об Иванах записок 1428 и 1432 гг. Зато именно с Бришем можно идентифицировать добрянина Ивана записок 1441-1442 гг. Этот Иван вместе с односельчанином Филем угнал скот с королевского подворья в Уличе, поранив тамошнего королевского урядника³³.

Живым Иван Бриш последний раз упоминается в трех записках 1455 г. Содержание двух записок от 1 февраля сводится к следующему. Отправляясь «в прусский поход»³⁴, Бриш получил от Семена Зиневича коня, верхнюю одежду, защитное вооружение и лук, а также 1 гривну и 2 гроша. По возвращении из похода его ожидает почти такая же сумма (гривна без 3 грошей). Из противоречивых показаний истца и ответчика не вполне ясно, что из имущества дано взаймы, а что — на безвозвратной основе. Зато очевидно, что у Бриша нет собственного оружия, сам он не блещет богатством и снаряжается на войну с помощью односельчан. В записке от 23 августа личность нашего героя раскрывается с иной стороны. По утверждению тыравского мещанина Левка, Бриш учинил погром на постоялом дворе в предместье Тыравы и отказался компенсировать убытки истца³⁵.

Единичные сообщения такого рода навели И. А. Линниченко на мысль, что добряне были элементом «очень буйным, задорным и завзятым», настоящими «*enfants terribles*» для всей округи³⁶. На наш взгляд, ученый излишне сгустил краски. По уровню криминогенности Добра мало чем отличалась от других саноцких сел. С кражами, угоном скота (особенно в предгорных районах),

³⁰ Ibid. Т. 11. S. 224, 237, 304, 357, 376-377. № 1749, 1888, 2426, 2849-2852, 3048-3049.

³¹ Ibid. S. 282. N 2261.

³² Ibid. S. 61, 143, 200, 227, 229, 236, 257, 259, 345, 359, 395, 455. № 436, 1115-1116, 1561, 1766, 1779, 1871, 2059, 2059a, 2062-2063, 2759, 2871-2873, 3187, 3581; Т. 16. S. 114. № 1017.

³³ Ibid. Т. 11. 183-184, 197-198. № 1406, 1409, 1520-1521, 1526, 1529.

³⁴ Началась Тринадцатилетняя война (1454-1466) с Орденом.

³⁵ Ibid. S. 405, 407. № 3253-3254, 3270.

³⁶ Линниченко И. А. Указ. соч. С. 68.

драками читатель гродских книг сталкивается не так уж редко. Нельзя к тому же забывать, что Добра находилась в густонаселенной речной долине и граничила, по крайней мере, с двумя многолюдными королевскими селами. Иное дело — убийства. В течение всего XV в. насильственной смертью погибли лишь двое добрян: Иван Юхно и Иван Бриш. В июне 1470 г. сын Бриша Семен после долгой тяжбы получил головничество за убитого отца от Ивашка из Коньского (села на левобережье Сана в 5 км от Добры) и Грицка Клишевича³⁷.

Дата гибели Ивана Бриша нам неизвестна, однако нет никаких сомнений, что убийство произошло ранее 19 марта 1469 г., когда свершилось едва ли не самое важное событие в истории Добры XV в. В тот день 15 «нобилей-русинов, дедичей Добры» — Маш, Иван Коваль с сыном Малом, Семен Бриш, Яков, Дамко, Данило, Михикита, Михайло Василевич, Семен Зиневич, Андрей Келб, Гриц Клишевич, Семен Орачко, Иван Филевич и Гриц Ходоров — за 60 гривен «продали всю свою часть дедичства», которая находится в одной трети Добры, саноцкому старосте Миколаю Пенансеку³⁸.

Четверо продавцов точно принадлежали к клану Келбовичей: к Семелу Бришу, Грицу Клишевичу и Грицу Ходорову следует добавить Андрея Келба — скорее всего, сына Василя Келбовича. Семен Орачко известен по трем запискам 1445-1446 гг.³⁹ Иван Филевич, вне всяких сомнений, был сыном Филя записок 1441-1447 гг. — соучастника избиения Юхна и угона скота из Улича⁴⁰. Еще в большей степени дело Юхна затронуло его кузена Семена Зиневича. Как следует из содержания записки 1455 г., у Семена были родные братья. Записка от 26 июня 1462 г., скорее всего, говорила именно о Зиневиче. Согласно ей, Мал из Добры, «родной младший брат», за 4 гривны продал все свое дедичство Семену, «брату своему старшему». После покупки в 1467 г. у захутынских племянников Юхна за 7 гривен еще одного земельного участка Семен стал единственным владельцем двух паев⁴¹. Еще четверо продавцов — Яков, Дамко, Данило и Ми(хи)кита — известны только по этой записке: к 1469 г. они, по-видимому, успели переселиться в другие саноцкие села. На роль Дамка подходит имевший в 1475 г. взрослых сыновей Данько, «сын Радя из Костировцев». Нам представляется далеко не случайным, что стоявший вместе с Клишем у истоков дела Юхна Радь из Добры после февраля 1442 г. исчезает, а год спустя появляется Радь из Костировцев⁴².

Возглавивший список продавцов Маш известен с февраля 1444 г. Осенью того же года ему пришлось доказывать, что он не промышляет воровством. Записки ничего не говорят о братьях и детях Маша, зато сообщают о его племяннице Ануше — супруге Бориса из Глумчи: в 1454 г. она получила от дяди трех лошадей, быка и красный плащ в качестве приданого и компенсации за свою долю «*patrimonii*»⁴³.

Второй в списке продавцов, «*Iwan faber*», на протяжении 30 с лишним лет выступает и как «*faber Iwan*» (1444, 1447 гг.), и как «*Iwan Fal*» (1460 г.), но более известен как Иван Коваль (*Kowal*, *Cowal*). Ему довелось ходить в дальние походы еще в 1435-1436 гг., так что к 1469 г. он разменял шестой десяток: возраст достаточно почтенный для XV в. Сын Ковалья Мал достиг

³⁷ AGZ. T. 16. S. 84. № 782.

³⁸ Ibid. S. 68-69. № 614.

³⁹ Ibid. T. 11. S. 257, 282, 326. S. 2059, 2261, 2618.

⁴⁰ Ibid. S. 183-184, 197-198, 259, 309. S. 1406, 1409, 1520-1521, 1526, 1529, 2062, 2473.

⁴¹ Ibid. S. 407, 478. № 3269, 3702; T. 16. S. 46. № 395.

⁴² Ibid. T. 11. S. 199, 219. № 1534, 1715; T. 16. S. 120-121. № 1080.

⁴³ Ibid. T. 11. S. 237, 248, 401-402, 455. № 1888, 1979, 3233 (*Masch Dunczouicz*), 3581 (*Masz Kunczouicz*).

совершеннолетия ранее 1460 г., а «Kowalow brath» Василь упоминается в записках 1442-1444 гг. Михайло Василевич купчей 1469 г., скорее всего, был племянником Коваля⁴⁴.

Нам неизвестно, как 15 добрян разделили между собой полученные 60 гривен. Остается загадкой и дальнейшая судьба большинства продавцов. Имеющаяся в нашем распоряжении информация касается только Маша и Семена Бриша. Однако прежде чем обратиться к ней, необходимо бросить беглый взгляд на прочих не покинувших Добру земян. Текст купчей недвусмысленно указывает на то, что в 1469 г. староста приобрел большую, но не всю треть села. Осенью 1474 г. в Добре проживал некий Степан, которого можно идентифицировать со Степаном Келбовичем (братом Василя Келбовича) записок 1442-1460 гг. Единственное связанное с добрянами известие 80-90-х годов XV в., думается, также имеет отношение к Степану. Согласно записке от 17 апреля 1483 г., «Ходя из Добры, вдова покойного Келба», получила 1,75 гривны за все свои владения в Добре от некоего Кузьмы, «также из Добры». Не исключено, что это был тот самый «Кузьма Добрянский из крепости Тырава», который в декабре 1460 г. вместе с Машем, Иваном Ковалем и племянниками Трухана засвидетельствовал покупку Степаном дома с земельным участком в Добре у своего племянника Пашка из Темешова (села в 8 км от Добры)⁴⁵. В апреле 1475 г. в роли свидетеля выступил еще один житель Добры — «Иван, сын Манька». Здравствовавший летом 1467 г. Манько в июльской записке 1445 г. был назван братом (не обязательно родным) Влодка⁴⁶ — добрянина, о котором пока не было сказано ни слова.

Известный с февраля 1442 г. Влодек в январе 1444 г. заплатил за «totam terciam partem vulgariter tretina» своим «братьям» Василию Келбовичу, Ивану Ковалю и (Ивану) Юхно. Скорее всего, речь шла не о покупке трети всех добрянских угодий, а о выкупе Влодком земельных участков в границах одной трети. Явно не участвовавший в несении замковой службы Влодек вскоре попытался повысить свой общественный статус: согласно записке от 26 сентября 1444 г., Влодек должен «в течение двух недель представить грамоту на свое шляхетство, если представит, тогда будет считаться среди шляхтичей». Влодку на долгие годы пришлось забыть о своих притязаниях. Правда, две записки от 18 октября 1451 г. сообщают, что «nobilis» Влодек из Добры поручился «pro nobili Andrea de ibidem», а «nobilis» Андрей признал, что «nobilis» Влодек поручился за него. Однако данный случай напоминает крылатую фразу из басни «Кукушка хвалит Петуха...». Как бы там ни было, именно Влодек первым из добрянских земян открыто заявил о своих притязаниях на шляхетство. Затем он исчезает на целых 12 лет и появляется в сентябре 1463 г. как «Влодек из Добры», чтобы объявить своей единственной наследницей дочь Ульяну⁴⁷ — сыновей у него явно не было.

Следующее появление Влодка на страницах судебных книг приходится на октябрь 1474 г. и связано с покупкой земли: уже знакомый нам Маш из Маловой Воли (сын Ивана и внук Трухана) и его то ли мать, то ли мачеха

⁴⁴ Ibid. S. 108, 200, 203, 229, 236-237, 248, 257, 282, 309, 455. № 811, 1561, 1571-1572, 1779, 1871, 1888, 1979, 2059, 2261, 2473, 3581.

⁴⁵ Ibid. S. 200, 203, 229, 257, 455. № 1561, 1571-1572, 1779, 2059a, 3581; T. 16. S. 114, 182. № 1017, 1603.

⁴⁶ Ibid. T. 11. 257, 259. № 2059a, 2063; T. 16. S. 46, 120-121. № 395, 1080.

⁴⁷ Ibid. T. 11. S. 236, 248, 376-377. № 1871, 1984, 3048-3049; T. 16. S. 8. N 58.

Настя извещали, что «nobil. Wlodko et Masch heredes in Dobra», полностью заплатили им за дедичство в Добре. Предыдущий владелец дедичства, (просто) Василь Шип (Szyр), обещал не чинить препятствий «nobil.» Влодко и Машу⁴⁸ (добрянину, возглавившему в 1469 г. список продавцов). Речь шла о земельном участке, который Василь в апреле 1468 г. продал за 20 гривен сыну Трухана Ивану. Весной 1469 г. этому Василию пришлось судиться со своей сестрой — «nobil.» Янкой из Бялобоков. Причитающуюся ей долю «patrimonii et matrimonii» в Добре Янка оценила в кругленькую по добрянским меркам сумму — 29 гривен⁴⁹. Если даже допустить чрезмерность ее требований, приходится констатировать, что отцом Василя и Янки был отнюдь не рядовой добрянин. Свидетелями окончания тяжбы 1447 г. между Ссменом Зиневичем и Гланом из Глумчи стали «Трухан, Филь, Ходор и Иван Коваль из Добры, и Маш с Василем, Senyow filio de ibidem»⁵⁰. Важный для добрян приговор должны подтвердить представители всех трех добрянских кланов. Мы полагаем, что Василь записок 1447 и 1468-1469 гг. был младшим сыном Сеня, а следовательно, братом и наследником Осипа и попа Пашка.

Приведенный в статье фактический материал подводит к вполне обоснованному выводу о том, что повседневная жизнь добрянских земян во многом определялась делением Добры на трети. Добрянская «треть» — это не только определенная площадь пахотных и сенокосных угодий. Ее невозможно представить без возложенных на одного всадника замковых служб и воинской повинности. Одну треть села представляли потомки Юрия — старшего из пожалованных в 1402 г. братьев: Трухан, а затем — его сын Иван. Со второй третью в 40-60-е годы XV в. связаны судьбы, как минимум, дюжины добрян, возглавляемых Иваном Бришем. Они могли происходить как от Дмитра грамоты 1402 г., так и от его не указанных в ягайловом привилее братьев (Маша, Зиня и др.).

Более сложен вопрос с последней третью Добры. По нашему мнению, на землях этой трети в 40-е годы находились владения сыновей Сеня (Осипа, попа и Василя), их кузена Андрея, а также Влодка. Последнего январская записка 1444 г. назвала сыном Заня — второго из троицы братьев-основателей Добры. Зань вполне подходит и на роль отца Сеня (хотя нельзя исключать и отцовство Дмитра).

После сделок 1467-1474 гг. в руках пяти-шести добрянских земян осталась только одна треть Добры. Самые видные добряне — Влодек, Маш и укрепивший свое положение благодаря головничеству Семен Бриш — в материальном плане были обеспечены не лучше среднестатистических кметов. Общественный статус добрян также не внушает особого оптимизма. Продажа в 1469 г. второй трети Добры положила начало своеобразному «медовому месяцу» во взаимоотношениях добрян со старостой Миколаем Пенансеком. В «нобилей» превратились не только 15 продавцов, но и Иван Труханов, Василь (Сенев), Семен Бриш и, разумеется, Влодек с Машем (1469-1474 гг.)⁵¹. До марта 1469 г. все они были только земянами и дедичами. К весне 1475 г. Влодек, Маш и Бриш лишились какой-либо интитуляции, чтобы в 1477-1478 гг. превратиться в «labog.» (-iosi, трудящиеся)⁵²: в Червоной Руси XV в. так обычно называли привлекаемых к барщинным работам кметов. Судебные протоколы умалчива-

⁴⁸ Ibid. T. 16. S. 114. № 1016-1018.

⁴⁹ Ibid. S. 58, 68-69. № 518, 613, 619.

⁵⁰ Ibid. T. 11. S. 309. № 2473.

⁵¹ Ibid. T. 16. S. 49, 58, 62, 68-69, 84, 113-114. № 422-423, 518, 561, 613-614, 618-619, 782, 1013, 1016-1018.

⁵² Ibid. S. 120-121, 141, 148. № 1080, 1259, 1335.

ют о дальнейшей судьбе наших героев, однако нетрудно догадаться, что им предстоит пережить нелегкие времена.

ANNOTATION

The article of S. S. Pashin «Zemyans of Sanock village Dobra in the 15th Century» is devoted to the history of some Sanock (Red Ruthenian) semiprivileged military servants (terrigenae) in the 15th Century: their origin, blood ties, landowning and their relations with Sanock governors.